

Павел Завальный:

Сегодня следует рассчитывать только на СВОИ СИЛЫ

Беседовала МАРИЯ ИВАНИНА
Журналист

Разработка трудноизвлекаемых запасов нефти и газа необходима, и российские компании уже давно озаботились поиском решений, считает глава Комитета Госдумы по энергетике Павел Завальный. По его мнению, сегодня российским мейджорам следует рассчитывать только на свои силы – ликвидировать техническую отсталость и развивать собственные новые технологии, в том числе для применения на арктическом шельфе.

М. И.: Павел Николаевич, согласны ли вы с тем, что сейчас все больше компаний в российской нефтегазовой сфере вынуждены переходить на разработку трудноизвлекаемых запасов?

П. З.: Думаю, да. В Государственной думе я представляю Ханты-Мансийский автономный округ, где добывается почти половина всей российской нефти, а в целом в Тюменской области, включая ХМАО

и ЯНАО, – более 60%. Уже довольно долго здесь наблюдается снижение добычи нефти на основных месторождениях – несмотря на те меры, которые нефтегазовые компании предпринимают по интенсификации добычи, повышению эффективности разработки месторождений. Причем динамика этого снижения увеличивается.

Все больше месторождений находится не то что в зрелой, а в поздней стадии разработки – истощаются, обводняются. Взять тот же Самотлор, на котором добывается более 20 млн тонн нефти в год. Его обводненность уже достигла 95%. Запасы этого месторождения тоже уже можно смело назвать трудноизвлекаемыми. Да, есть официальные критерии ТРИЗ, но думаю, что истощаемые месторождения в каком-то смысле также можно отнести к этой категории.

Уже довольно долго наблюдается снижение добычи нефти на основных месторождениях, несмотря на те меры, которые нефтегазовые компании предпринимают по интенсификации добычи, повышению эффективности разработки месторождений. Причем динамика этого снижения увеличивается

М. И.: *Давайте все же поговорим о неосвоенных месторождениях, содержащих ТРИЗ. Если российские компании в ближайшее время не начнут активно осваивать баженовскую свиту, ачимовские отложения, арктический шельф, другие труднодоступные районы, какими будут последствия для отрасли?*

П. З.: Я бы не драматизировал ситуацию. Конечно же, нефтяные компании далеко не сегодня озаботились этими проблемами, они ищут новые решения. Совсем недавно под патронажем Минэнерго и Минпромторга был принят закон по созданию полигонов по отработке совместных технологий. «Сургутнефтегаз» уже, к примеру, начал выходить на промышленное освоение баженовской свиты. Однако это касается более легких участков – где себестоимость высоковата, но нефть добывать можно. А есть полностью непроницаемые пласты. Там нужны специальные мероприятия, позволяющие создать эту проницаемость и приступить к добыче. Как пример такой работы упомяну научный полигон «Газпром нефти», созданный в Западной Сибири на одном из участков для отработки технологий по бажено.

М. И.: *Насколько вообще, по вашему мнению, российские нефтяные компании готовы к технологическому развороту?*

П. З.: Думаю, в этом наши компании поотстали. Во времена Советского Союза мы не имели доступа к западным технологиям и использовали свои. Тот же гидроразрыв пласта был придуман и опробован в Западной Сибири, а западные компании только потом начали его применять.

Но в 2000-е годы, во времена высокого спроса и роста цен на нефть, в России больше стали ориентироваться на импортные технологии. Почему? Потому что та же Северная Америка значительно раньше столкнулась с проблемой истощения месторождений, с необходимостью внедрять новые технологии добычи. Именно поэтому они первыми научились эффективно добывать сланцевую нефть, хотя себестоимость добычи там и сейчас значительно выше, чем на обычных месторождениях. В итоге российские нефтегазовые компании активно пользовались западными технологиями, привлекали успешные западные нефтесервисные компании. Очевидно, так было проще и удобнее.

Но ситуация резко изменилась с введением санкций. В нефтегазовой сфере они направлены как раз против возможности добывать ТРИЗ. Вспомним хотя бы Южно-Кириновское месторождение на шельфе Сахалина, где предпочтительная технология – добычные подводные комплексы, которые в России не производятся! Санкции направлены избирательно – именно на болевые точки нефтегазового комплекса. В итоге мы не можем использовать западные технологии для освоения этих запасов и должны заменить их собственными.

Поэтому сегодня следует рассчитывать только на свои силы. По критическим технологиям правительством и министерствами приняты меры по восполнению этого пробела, ликвидации технической отсталости, развитию собственных новых технологий, в том числе для применения на арктическом шельфе.

Совсем недавно под патронажем Минэнерго и Минпромторга был принят закон по созданию полигонов по отработке совместных технологий

В газовой отрасли ситуация полегче. Зависимость от импорта в «Газпроме» составляет, по моему, менее 1%. В нефтяной отрасли намного выше, по разным оценкам, более 40%, но она снижается. Я уверен, что настанет время – лучше

рано, чем поздно), когда мы будем обладать всем спектром современных отечественных технологий, возможностью производства их в нашей стране. И нефтесервисные компании, которые работают в нашей стране, будут их активно применять, и сами нефтяные компании.

Русские долго запрягают, но быстро едут. Была определенная инерция мышления, мнение, что Запад нам поможет. Сегодня иллюзий нет – и это стимулирует.

Россия еще не вышла на уровень максимальной добычи нефти, и эту рамку мы постоянно отодвигаем именно за счет применения новых технологий

М. И.: *Как вы думаете, есть ли у нас это время?*

П. З.: Есть. Ситуация не так критична. Россия еще не вышла на уровень максимальной добычи нефти, и эту рамку мы постоянно отодвигаем именно за счет применения новых технологий, то на начало 2020-х, то на 2025 год.

Важно подготовиться к следующему скачку – к освоению месторождений шельфа, прежде всего, в Арктике. Там запасы, намного превышающие запасы на континенте. Но и сложность, и себестоимость добычи намного выше. К тому же применяемые там технологии должны быть не только надежными и экономически эффективными, но и абсолютно безопасными для экологии.

М. И.: *Как высокая себестоимость, существенный рост затрат скажутся на устойчивости нефтяного бизнеса?*

П. З.: Как вы знаете, с 2001 года действует фискальная система налогообложения – с тонны добычи нефти. Но она видоизменяется. В 2012 году был принят закон по трудноизвлекаемым запасам, который дифференцирует налоговую ставку в зависимости от условий разработки. Это был очень своевременный закон, он добавил гибкости фискальной системе, потому что нет абсолютно одинаковых месторождений. Второго Самотлора уже не будет. А этот закон позволяет индивидуально подходить к разработке каждого месторождения – в зависимости от стадии, объемов, глубин залегания, проницаемости и толщины пласта.

А прообразом кардинальных изменений в системе налогообложения станет принятый в июле 2018 года закон о налоге на дополнительный доход (НДД) от добычи углеводородов. В качестве эксперимента пока. Но мы надеемся, что в ближайшие три-пять лет этот эксперимент будет успешно проведен, после чего с какими-то необ-

ходимыми корректировками будет распространен на всю отрасль.

Это качественно новый подход к системе налогообложения. Если этот эксперимент удастся, мы перейдем от фискальной системы к мотивирующей, что даст второе дыхание нефтедобыче, развитию нефтегазовой отрасли. Будут лучше учтены баланс интересов, себестоимость добычи, экономика, система налогообложения, принимая во внимание стоимость нефти на внутреннем и внешнем рынках.

М. И.: *А каких мер господдержки, помимо упомянутого июльского закона, на ваш взгляд, не хватает?*

П. З.: Мне кажется, законодательная база практически создана. По крайней мере, в последнее время я не слышу от нефтегазовых компаний предложений, способных что-то усовершенствовать концептуально.

Но в целом понятно, что надо поддержать нефтепереработку. Тем более, что мы еще далеки от мировых значений глубины нефтепереработки... Если еще пять-шесть лет назад объем инвестиций в нефтепереработку составлял около 250 млрд рублей, то сейчас мы наблюдаем снижение в два раза...

Это качественно новый подход к системе налогообложения. Если этот эксперимент удастся, мы перейдем от фискальной системы к мотивирующей, что даст второе дыхание нефтедобыче, развитию нефтегазовой отрасли

Важно развивать нефтегазохимию. Это вопрос международной конкуренции: тут мы сегодня проигрываем в развитии, и по мере снижения объема добычи нефти отставание будет усугубляться. Достаточно сказать, что на \$1 добытой нефти Америка получает \$10 добавленной стоимости от производства продукции высоких переделов. А мы – всего \$2. Эта отрасль интеллектуальная, высокотехнологичная, но и высокорисковая. Нужно снизить риски, чтобы сюда пришел инвестор. В мире за последние 10 лет нефтегазопереработка и нефтегазохимия развивалась темпами около 7% в год. А в России – не более 5%. Поэтому здесь необходим комплексный план мер, стимулирующих развитие.

Интервью подготовлено при содействии ЦСП «Платформа»